

лизации, это основа для оптимистического взгляда на жизнь и перспективы личностного развития.

Известный психолог-гуманист А. Маслоу называл образование «во-человечиванием» и определял главную цель образования как помощь человеку в полной мере реализовать его возможности, то есть самоактуализироваться (6, с. 180).

Использование музейной педагогики в образовательном процессе позволяет студенту познать себя, свой личностный потенциал, чтобы в дальнейшем помочь детям раскрыть способности и реализовать свои человеческие потенции.

1. Белкин А.С., Жукова Н.К. Витагенное образование: голографический подход. Екатеринбург, 1999.
2. Бим-Бад Б.М. Педагог течения в начале двадцатого века: Лекции по педагогической антропологии и философии образования. М., 1998.
3. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
5. Матяш Н.В. Проектный метод обучения в системе технологического образования // Педагогика. 2000. № 4. С. 38 – 43.
6. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.

Поршнева О.С. (Екатеринбург)

К вопросу о современных методологических подходах и методах в изучении региональной истории

Изучение региональной истории в современных условиях предполагает использование адекватных новейшей историографической ситуации методологических подходов. Наиболее плодотворными из них, с нашей точки зрения, являются микроистория и история повседневности – родственные направления антропологически ориентированной истории, возникшие в результате поиска выхода из кризиса глобальных моделей исторического объяснения.

Как отмечает Н.Е. Копосов, в условиях современного кризиса истории микроистория стала одним из основных интеллектуальных течений, с которыми в последние годы связывают надежды на создание новой парадигмы социальных наук (1). Кризис метатеоретических исторических объяснительных моделей был связан во многом с осознанием ненадежности статистических данных, потерей информации о социальном и культурном мире человека, сведенном к узкому кругу социальных, экономических, политических и культурных «главных тенденций». Микроисторический подход получил наиболее значительное и содержательное развитие в «новой локальной истории» (тесно связанной с «новой социальной историей»), базирующейся на детализации и индивидуализации объекта исторического исследования, помещении социальных субъектов

в пространственно-временную сеть реального социального взаимодействия. Этот подход определяется в англоязычной историографии как «микросоциальная история» (“microsocial history”) (2). Выявление в одном событии или объекте сети взаимосвязей факторов и явлений макро и микро уровня (общего и частного/особенного) позволяет увидеть в них внутренние элементы крупного социального целого, сделать новые теоретические обобщения, недоступные при применении большего масштаба наблюдения. Идя от теории к изучению локального объекта, в ходе которого теоретические положения могут быть проверены (скорректированы или отвергнуты), и обратно – от конкретно-исторического феномена к теоретическим обобщениям, позволяющим постичь природу единичного в контексте более крупного социального целого, историк осуществляет двунаправленную связь между генерализующим и индивидуализующим подходами.

История повседневности по-новому, в сравнении с глобальными историческими теориями, оценивает значение повседневного личного опыта индивида в формировании его представлений и поведения. В соответствии с таким подходом «действующее лицо» истории, человек рассматривается как ее активный субъект. Это противоречит историографической традиции, опирающейся на ту или иную социологизированную схему в изучении прошлого, либо рассматривающей деятельность исключительно «великих» людей. Центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории, так называемых «маленьких», «простых», «рядовых» людей. Они составляли в то же время большинство участников исторического процесса, чья социальная практика определяла изменчивость и преемственность в истории. История повседневности позволяет решить одну из фундаментальных методологических проблем, стоящих перед исторической наукой: изучение взаимосвязей между социальными структурами и практикой субъекта. Это, в свою очередь, дает возможность на основе реконструкции этих взаимосвязей выявить «пути, следуя которым, участники исторического процесса становились – или могли стать – и объектами истории, и в то же время ее субъектами» (3).

Современная парадигма гуманитарного знания, в рамках которой находятся рассматриваемые направления, предполагает методологический синтез, использование продуктивных подходов и методов смежных социальных и гуманитарных наук. Изучение региональной истории, локальных сообществ на базе указанных методологических подходов весьма трудно осуществить без использования методов социальной и культурной антропологии, социологии, социальной психологии, находящейся на стыке социологии и антропологии этнометодологии.

Хотелось бы обратить особое внимание на некоторые из них. Прежде всего, достижения “этнометодологического движения”, изучающего микропроцессы социальной жизни (4). Его методы, которые могут быть названы социосемиотическими, позволяют изучать процессы освоения индивидом своей культуры, использования им структур обыденного знания в процессе функционирования той или иной локальной социальной организации, в повседневной социальной практике.

Наиболее перспективным направлением современной социологии является разработка концепций, направленных на интеграцию макро- и микро- уровней анализа социальных отношений (Э. Гидденс, А. Кикоурел, Дж. Хабермас и др.). Традиционный социологический подход разделял социальные макроструктуры и микроэпизоды социальных действий индивидов, тем самым отделяя анализ структур от анализа человеческих действий и практики повседневной жизни. Наибольший вклад в преодоление разрыва между теорией социального действия и институциональным анализом вносит теория структуриации Э. Гидденса. Она наиболее адекватно объясняет соотношение социальных структур, процессов и человеческой деятельности. По Э. Гидденсу, момент производства действия является также моментом воспроизводства контекстов повседневной деятельности в социальной жизни. В то же время в процессе воспроизводства структурных качеств социальные агенты ограничены рамками, установленными ненамеренными последствиями предшествующих социальных действий, что влечет за собой возможность социальных изменений (5). А. Кикоурел, решая аналогичную задачу соединения анализа разных уровней социальной реальности, утверждает, что элементы макроструктур не просто являются некоей данностью, а возникают из рутинной практики повседневной жизни в результате действия организационных и интерактивных механизмов. Выявлению последних может способствовать широкая контекстуализация социального взаимодействия путем создания и анализа сравнительной базы данных, включающей не только данные, характеризующие контекст единичного взаимодействия, но также те, которые позволяют изучать социальный феномен систематически в различных контекстах (6).

Одними из наиболее перспективных в рассматриваемом контексте являются прикладные методы социологии, такие, как анкетирование и интервьюирование участников исторических событий (методы «устной истории»). Они позволяют получить уникальную информацию, отсутствующую в других источниках, изучить исторические события и процессы в деталях, в их человеческом измерении, скорректировать исторические представления, постичь региональную специфику развития, поставить и разрешить новые исследовательские вопросы.

Другая продуктивная концепция изучения локальной истории – семиотический подход к анализу культуры, предложенный американским антропологом К. Гирцем на основе метода «плотного» («насыщенного») описания. Задача, которую выдвигает К. Гирц перед антропологией – «посмотреть на вещи с точки зрения действующего лица» (7), т.е. воссоздать представления носителей изучаемой культуры в ее собственных терминах, понять, что вкладывали люди в те или иные конструкции и формулы, в которые сами себя мысленно помещали и в которых сами себя описывали. К. Гирц выделяет четыре особенности этнографического описания: оно носит интерпретативный характер; оно интерпретирует социальный дискурс; интерпретация состоит в попытке выделить «сказанное» из исчезающего потока происходящего и зафиксировать его в читаемой форме; оно микроскопично (8). Культура в рамках данного подхода рассматривается как контекст, внутри которого действия индивидов и общественные явления могут быть адекватно, т.е. «насыщенно» описаны. Он позволяет, по оценке Н.Б. Селунской, перейти от объяснения к интерпретации, обогатить историческое объяснение путем соединения его каузальных и мотивационных моделей (9).

1. Копосов Н.Е. О невозможности микроистории//Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. С. 35.
2. Macfarlane A. History, Anthropology and the Study of Communities// Social History. 1977. # 5. P. 642.
3. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии//Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 83.
4. The Ethnomethodological Movement. Sociosemiotic Interpretations by Pierce J. Flynn. Berlin; N.Y., 1991.
5. Giddens A. Agency, institution, and time-space analysis// Advances in Social Theory and Methodology. Toward an Integration of Micro- and Macro Sociologies. Boston; London, 1981. P. 161-174; Гидденс Э. Элементы теории структуризации//Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 40-71.
6. Cicourel Aaron V. Notes on the Integration of Micro- and Macro- Levels of Analysis// Advances in Social Theory and Methodology. Toward an Integration of Micro- and Macro Sociologies. Boston; London, 1981. P. 51-80.
7. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры//Антология исследований культуры. Том 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 183.
8. Там же. С. 189.
9. Селунская Н.Б. К проблеме объяснения в истории// Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 47.

Постников П.Г. (Нижний Тагил)

Художественный способ познания исторической реальности

В связи с новыми подходами к исторической проблематике, прежде всего в русле «социальной истории», возникает необходимость переосмысления художественной литературы в историческом образовании. Вве-